Митрополит Иларион: Главный ответ Церкви на любые возможные нападки будет заключаться в том, что она будет продолжать делать то, что она делает

19 мая 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал тележурналист Аркадий Мамонтов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры. Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о кризисе нравственности. У меня в гостях тележурналист Аркадий Мамонтов. Здравствуйте, Аркадий.

А. Мамонтов: Здравствуйте, Владыка. Я хотел бы Вас спросить вот о чем. На протяжении тринадцати лет я занимаюсь темами, которые можно сформулировать так: кризис нравственного отношения в обществе и отношение общества к тем или иным отклонениям от норм нравственности, от заповедей Христовых. Мне кажется, что христиане – это последний оплот перед наступлением вселенского зла. Может быть я, конечно, ошибаюсь, но то, что я видел в Европе, как, собственно говоря, и Вы видели, - легализация парадов извращенцев, принятие во Франции закона о легализации однополых браков и усыновление извращенцами детей, так называемая партия педофилов в одной из европейских стран - эта зараза постепенно проникает к нам. Вспомните прошлое лето: и кощунницы, устроившие пляски в храме, и мерзкие выставки с поруганием наших святынь - это звенья одной цепи. Идет атака не просто на Церковь, не только на священнослужителей, на Патриарха. Это атака на сами устои христианства - то, на чем всегда стояло и будет стоять наше общество. Как Вы думаете, это так?

Митрополит Иларион: Я думаю, что это не просто атака на христианство - это атака на некие основополагающие человеческие ценности, потому что даже если мы вообще оставим в стороне христианство, религию, религиозную мораль, то такая тема, как семья, останется основополагающей вне зависимости от вероисповедания людей. Именно на семье строилась на протяжении веков и тысячелетий жизнь людей во всех обществах: и в первобытных, и в более развитых. Именно здоровая семья, состоящая из мужчины и женщины, вступивших в брак, которые дают жизнь детям, является залогом воспроизводства той или иной нации. Неслучайно до тех пор, пока сохранялся это традиционный семейный уклад, народы воспроизводились и размножались. Сейчас же происходит постепенное умирание народов вследствие

демографического кризиса, который является прямым следствием разрушения института семьи. Оно случилось не просто в силу стечения обстоятельств – над разрушением семьи сознательно работают те самые силы, о которых Вы упомянули.

А. Мамонтов: Владыка, мой следующий вопрос покажется, наверное, немного жестким. Как Вы считаете, почему в Западной Европе представители разных Церквей – Католической, протестантской - занимают такую теплохладную позицию по отношению к тем силам, к тем сообществам, которые работают на развращение и разрушение семьи? Что происходит? Почему именно церкви, священнослужители не стоят как воины, не препятствуют этой атаке извращенцев и прочих антинравственных сил?

Митрополит Иларион: Я бы не согласился с Вашим суждением в отношении католичества, потому что Католическая Церковь устами своего первосвятителя, то есть Папы Римского, устами своего магистериума, то есть официальных представителей Церкви, как раз очень настойчиво защищает традиционное нравственное понимание брака. Именно поэтому Католическая Церковь является объектом нападок со стороны средств массовой информации, которые выискивают грехи, допустим, священнослужителей и пытаются использовать их, чтобы развернуть дискуссию в такую сторону: «Чему вы нас учите, посмотрите сами на себя». А между тем учение Церкви не меняется из-за того, что отдельные священнослужители его нарушают, извращают и из-за этого становятся объектами совершенно справедливой критики и осуждения.

Но если говорить о протестантах, нужно признать, что в западном и северном протестантизме, по крайней мере, во многих общинах скандинавского, американского протестантизма наблюдается «либерализация» нравственности, которая позволяет этим общинам узаконивать на церковном уровне однополые союзы, вводить чин благословения этих союзов. Это, конечно, нас возмущает. С такими общинами мы прерываем всякий диалог.

А. Мамонтов: В прошлом году мы с моей группой сделали три программы по поводу плясок, которые были в Храме Христа Спасителя. Разговаривали с кощунницами в СИЗО, когда они там находились. Одна из этих дам - Толоконникова - сказала такую интересную фразу: «Церковь должна меняться, если она хочет, чтобы мы ее любили и чтобы она осталась в этом мире». Еще она сказала, что относится к Церкви как к культурному наследию. Эти люди, которые относятся к Церкви как к культурному наследию, которые считают, что Церковь должна меняться, сталкиваются в своем понимании Церкви с такими людьми, как я - мирянами, которые считают, что Церковь – это институт, данный нам от Господа Бога, что священники – это Его апостолы, которые получили благодать, и Церковь не должна меняться под изменчивый мир. Она должна оставаться островком спасения. Здесь происходит столкновение. В России, как нигде на Западе, мы жаждем Бога. Люди, которые жаждут Бога, сталкиваются с другими людьми, которые Его не жаждут, не

любят, ненавидят. Это столкновение очень жесткое. Как в данной ситуации поступать?

Митрополит Иларион: У Церкви есть очень четкое отношение неприятия по отношению к любому кощунству, любому акту святотатства. Здесь Церковь не может быть толерантной в современном смысле этого слова, то есть оправдывать эти акты, пытаться их как-то героизировать, как это сейчас происходит в некоторых средствах массовой информации. Но Церковь всегда прощает грехи людей. Как только человек обращается к Церкви с покаянием, ему прощается все то, что он совершил, включая и акты святотатства. Мы же знаем случай, когда какие-то подростки осквернили храм, их нашли, а потом они раскаялись.

А. Мамонтов: Это было в Калининграде.

Митрополит Иларион: …Церковь их простила. Она всегда будет прощать таких людей, более того, будет ходатайствовать за них, печаловаться о них. Но когда говорится о том, что Церковь должна меняться в том смысле, чтобы стать толерантной к греху, как это происходит в некоторых западных протестантских общинах, мы с этим никак не можем согласиться. Ведь зачем тогда вообще нужна Церковь, если ей нечему будет учить людей, если она никакую нравственную планку не будет ставить, если она будет говорить людям: «Как живете, так и живите»? Это все равно, что создать больницу, где врачи, специалисты по разным болезням станут говорить пришедшим к ним больным: «Да у вас все хорошо». Человек будет говорить: «Я плохо вижу, у меня зрение падает, а врач ответит: «У тебя все прекрасно, успокойся. Ты плохо видишь – значит, так и надо». Пациент скажет: «Я цвета перестал различать», - а врач станет уверять: «Так их и нет, есть только серое и черно-белое». Понимаете, вот к чему нас хотят принудить, вот как нас хотят заставить меняться. Мы так меняться не будем.

А. Мамонтов: Еще хотел спросить у Вас вот о чем. Очень любопытный разговор у меня был несколько дней назад с простыми людьми, которые ходят в храм. Они буквально мне сказали следующее: «Мы боимся того, что было с Содомом и Гомморой, мы следим за собой, держим себя в моральной чистоте, исполняем заповеди, каемся и причащаемся. Мы церковный народ, а вокруг происходит разного рода непотребства. В нашем патриархальном обществе это как-то сдерживается. В западном обществе это все на поверхности. В конце концов, может так быть, что длань Господня опустится на всех со страшной силой и под ее удар попадут и виновные, и невинные». Что, Владыка, можно ответить на эти вопросы простых мирян?

Митрополит Иларион: Каждый из нас может, во-первых, работать над тем, чтобы менять к лучшему самого себя, а, во-вторых, естественным образом тогда начнет меняться к лучшему и окружающий мир, то есть, прежде всего, те люди, с которыми человек общается. В чем, например, замечательное свойство профессии священника? Священник – это такой же человек, как и все

остальные люди, но священник – это человек, который обязан работать над собой. Он дал клятву, дал присягу, что будет над собой работать. Если у него не получается, если он не соответствует своему призванию, то иной раз Церковь применяет и жесткие меры, вплоть до лишения священного сана.

Меняясь сам, человек постепенно меняет и свое окружение. Часто бывает, что, например, неверующая или маловерующая жена постепенно воцерковляется вместе со своим мужем. Часто бывает, что приходят какие-то люди в Церковь, которые очень далеки от веры, но, встречаясь со священником, просто беседуя с ним, видя, как тот старается преодолеть в себе грехи, недостатки, они сами пытаются следовать его примеру. В этом заключается работа Церкви: прежде всего мы должны не думать о том, как наказать других грешников, потому что их Господь наказывает и порой так, что своему врагу не пожелаешь такого наказания. Мы это видим сплошь и рядом вокруг себя. Конечно, прежде всего мы должны работать над собой, а тогда вокруг нас начнет выстраиваться пространство света. Люди начнут переосмысливать свою жизнь. Это преображение мира должно начинаться с церковной общины и с той малой церкви, которой является каждая христианская семья.

А. Мамонтов: Вы упомянули о случаях, когда порой священнослужители сами попадают в неловкие ситуации. Что делать, когда происходят такие случаи, как недавнее происшествие с иеромонахом Ильей (Семиным). Они единичны, но Вы посмотрите, как их выпячивают. Они сразу выталкиваются на поверхность в интернете, им уделяется большое внимание, они попадают в фокус общественного суда. И обязательно есть какая-то подоплека…

Митрополит Иларион: В отношении недостатков священников – темы, которую очень муссируют средства массовой информации, - я хотел бы вот что сказать. Во-первых, священники – это люди. Действительно, священнослужители есть разные – и более преуспевающие в духовном отношении, и менее преуспевающие. Есть люди святые – те, на которых будут ориентироваться, которым будут молиться. Среди нас, ныне живущих, есть люди, которых когда-то Церковь канонизирует. Но есть, конечно, и те, кто совершенно не дотягивает до своего призвания. Мы должны также помнить о том, что отношение к священнослужителям часто бывает предвзятым, потому что было, допустим, два дорожных инцидента, о которых очень много писали, а в итоге по одному из них суд вынес оправдательный приговор. Об этом никто не написал, потому что это уже никому неинтересно. Я, например, об этом случайно узнал. Важно поднять волну, возбудить в народе негодование, а если потом окажется, что это была неправда, то тема все равно уже никому не интересна. Об этом даже никто и не узнает.

Мы, конечно, сожалеем о том, что среди нас есть люди, которые не дотягивают до своего священнического призвания. Мы всегда о своих грехах сокрушаемся и плачем. Мы, священники,

тоже ходим на исповедь.

А. Мамонтов: Расскажите, пожалуйста, об этом. Вы, Владыка, кому исповедуетесь? У Вас есть духовник? У кого исповедуется Патриарх? Потому что люди об этом ничего не знают.

Митрополит Иларион: Мы не раскрываем имена.

А. Мамонтов: Имена не надо. Саму систему, принцип.

Митрополит Иларион: Система такая: мы исповедуемся тому священнику, которому доверяем, как и вы, миряне. А еще есть, например, круг священнослужителей, с которыми мы как-то связаны чисто служебными обязанностями, и мы, пожалуй, не пойдем на исповедь к такому священнику, потому что тогда какие-то чисто служебные моменты будут переплетаться с личными. Как правило, священнослужитель исповедуется у другого священнослужителя, но не связанного с ним какими-то прямыми служебными контактами. Хочу сказать о том, что священники так же, как и миряне, нуждаются в исповеди, потому что у нас тоже есть грехи, недостатки, болезни. Мы так же, как и вы, ходим в ту же самую лечебницу, к тем же самым врачам.

А. Мамонтов: Многие не знают об этом, особенно молодые. Может быть это недостаток воспитания, советское прошлое. Я хотел бы еще озвучить вопрос, который часто задают молодые люди. Если произойдет вдруг новая атака на нашу Православную Церковь в этом или следующем году - а она может быть, - как в этой ситуации будет вести себя наша Церковь? Как она будет отвечать? Мы понимаем, что сейчас век информационных технологий. Он достаточно жестокий. Можно просто человека взять и за неделю из него сделать монстра.

Митрополит Иларион: Я хотел бы ответить на вопрос о возможной следующей информационной атаке и о том, как на нее будет отвечать Церковь. У меня в памяти беседа с нашим Патриархом, когда он еще был митрополитом, председателем Отдела внешних церковных связей. Его регулярно, примерно раз в месяц, атаковало одно издание и один конкретный журналист. Причем все мы, кто с ним работал, знали о том, что атаки основаны на вымышленных фактах, то есть просто журналист по заказу за деньги писал то, чего не было. Я как-то спросил тогда еще митрополита Кирилла, который приехал ко мне в гости в Австрию, где я служил епископом: «Владыка, а Вы как-то отвечать будете на эти нападки?» Он мне сказал: «Мой ответ следующий – я буду продолжать делать то, что я делаю». И он так и поступал.

Думаю, что главный ответ Церкви на любые возможные нападки будет заключаться в том, что она будет продолжать делать то, что делает. А она совершает свою двухтысячелетнюю спасительную миссию, которая заключается в том, чтобы лечить людей от их духовных болезней. В этом лечении

нуждаемся мы все. Поэтому я бы очень хотел, чтобы наше общество было солидарным, чтобы, если оказывается, что какой-то человек болен, мы не выставляли бы его на посмешище, не демонстрировали его гноящиеся раны всему миру, не радовались тому, что вот нашелся такой человек, а думали, как найти средство, чтобы его исцелить.

Спасибо Вам, Аркадий, за то, что были гостем моей передачи.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52696/